

Марина Израилова

Divadelná Nitra: маленький фестиваль и большие вопросы

Участие в резиденции для театральных критиков V4@Theatre Critics Residency в рамках международного фестиваля в Нитре было первым для меня подобным опытом, поэтому в первую очередь в тексте мне хотелось бы остановиться на вопросах организации и структуры фестиваля и резиденции, на всем том, что на каждом шагу вызывало непонимание, сомнения и прочие аффекты.

Во-первых, хочется сразу отметить, что получение первого такого опыта на маленьком — в основной программе было 12 спектаклей — фестивале мне видится большой удачей. Словакия на театральной карте мира явно не занимает одно из центральных мест, это периферия, а значит, хорошая точка для старта.

С другой стороны, Словакия это периферия метрополии, и будучи критиком из России, ориентированной на театр Европы, по крайней мере в фестивальной жизни точно — я была вынуждена разбираться с внутренним образом европейского театра, гораздо более гомогенным чем то, что я увидела.

Начать с того, что программа фестиваля была поделена на две части: международную (спектакли из Венгрии, Германии, Польши, России и Чехии) и словацкую (спектакли театров из самой Нитры и из Братиславы). И при всей разности продукции международной программы, в целом она контрастировала со словацкой по многим параметрам, в первую очередь - в способах репрезентации женщин на сцене, наличии критической позиции по отношению к первоисточнику (если спектакль базировался на тексте, а таких было большинство). И, несмотря на заявленную тему фестиваля - "Лица свободы" и привязку к 30-летию 1989 года и падению коммунистических режимов в Европе, - вся словацкая программа удивила аполитичностью.

Вопросы также вызывает кураторская позиция Юлии Разусовой (Júlia Rázusová), отвечавшей за составление словацкой программы. Так, она включила в нее собственный спектакль (корректно ли использовать кураторскую позицию, чтобы включить в программу собственную режиссерскую работу?) и два спектакля Растислава Баллека (Rastislav Ballek) (стоит ли в программе из 6 спектаклей отдавать 2 из них одному режиссеру?). Одна из работ Баллека — моноспектакль «Библия», в моем личном чарте собрал все возможные «Золотые малины»: на сцене в течение 2 часов пожилой мужчина зачитывает фрагменты Библии, причем только те, в которых говорит Господь, нехитрым образом идентифицируясь с ним, а в качестве визуальных эффектов использует дриппинг и абстрактную живопись на холсте, в финале «распиная» на нем собственный пиджак. И все это на фестивале с темой «Лица свободы». Хочется задать только один вопрос: доколе, Боже.

В ходе организованных после каждого показа паблик-токов проявилась также нечувствительность словацких режиссеров и актеров к теме гендерного равенства и отсутствие критической позиции (едва ли не сильнее, чем даже в их работах): на вопросы участниц резиденции о допустимости - в 2019 году, после *MeToo* и *ЯНеБоюсьСказать* - достоверного изображения насилия над женщинами на сцене, несколько раз были даны наивные ответы «так было в книге, мы просто следовали за текстом» или даже просто «мы не подумали об этом».

Говорить о международной программе тоже непросто: все 6 показанных в ней работ были сделаны в разных жанрах, по-разному работали с текстом (от польского спектакля *Holy Noodle* («Коммуна Варшава»), где большую роль в создании космического эффекта выполняет языковая игра - до «Глубин» чешской группы *Wariot Ideal*, сделанных как идеальный образец визуального/инженерного театра) и обращены к разным традициям. Мы посмотрели 6 спектаклей из Чехии, Германии, России («Человек из Подольска» Театра.DOC), Венгрии и Польши, среди которых были опера, визуальный театр, художественное исследование (artistic research) и «ролевая игра» -

интерактивный спектакль с элементами форум-театра. Это могло бы быть большим плюсом фестиваля, если бы куратором международной программы Яном Симко (Jan Šimko) был найден хотя бы один параметр, позволяющий эти работы сопоставлять. Тема фестиваля, которая должна, по идее, и быть тем объединяющим принципом, которого нам так не хватало, в этом качестве не работала.

Это было обидно лично для меня еще и потому, что главным мотивирующим на подачу заявки фактором для меня было желание увидеть срез трактовок/рефлексий на тему постсоветского из разных стран бывшего СССР и соцблока. По крайней мере, именно такое, политическое, звучание было у анонсирующего резиденцию и фестиваль текста.

Но этого не случилось: тема свободы, сама на себе невероятно широкая и расплывчатая, в ходе работы фестиваля расплылась еще дальше, вплоть до того, что в финальной дискуссии с кураторами и участниками других публичных программ фестиваля мы задались вопросом, стоит ли вообще продолжать использовать тему как инструмент при организации фестивальных событий. Уже упоминавшийся спектакль “Библия” или открывавшая фестиваль чешская опера *Sternenhoch*, мистико-декадентская история о femme fatale по новелле Станислава Клима, при всех попытках подверстать их к теме фестиваля, выглядели в программе довольно странно.

И, наконец, о резиденции: в ней приняли участие 18 человек из Украины, Армении, России, Польши, Румынии, Чехии, Болгарии, Венгрии, Сербии, Словакии и Беларуси. Ментором был преподаватель теории и истории театра Университета Граца Штефан Тиггс (Stefan Tigges), это его первый приезд в Нитру, в предыдущие годы резиденцию вели Патрис Пави и Томас Ирмер. Здесь снова вопросы возникают к организаторам: приглашать менторов-мужчин из Западной Европы на резиденцию для критиков из стран восточной Европы, большинство из которых женщины (в этом году из 18 участников женщин было 15) считается как знак автоколониализма и поддержания гендерного дисбаланса власти. И хотя Штефан приложил

действительно много усилий к тому, чтобы привести резиденцию в приближенный к лабораторному формат, часто это оказывалось невозможным из-за уже заданной диспозиции.

Тем не менее, вся моя вышеизложенная критика не может мне самой не касаться проблематичной. Потому что диспозиций всегда больше чем две (“правильная” и “неправильная”), а область моего незнания слишком обширна, чтобы полагать свои суждения окончательными.

Интереснее то, как и почему эта критика появляется, на что откликается чутко, что игнорирует и к чему остается слепа.

Например, состав словацкой части фестиваля, как мы выяснили в разговоре с Юлией Разусовой, зависел не только от нее, но и от сообщества местных жителей: благодаря программе *Be SpectACTive!* в гораздо большей степени программа была сформирована ее участниками, а на кураторку легла организационная работа.

Что здесь может быть признано более этичным и правильным? Учет интересов и пожеланий зрителей или профессионализм? Кто и как должен определять критерии качества спектаклей?

Или: сам факт наличия у меня феминистской и политизированной позиций — является ли он результатом наличия у меня определенных привилегий — доступа к образованию, среде, сообществу? И если да, то должно ли это останавливать меня от критики позиций тех, кто лишен этих привилегий в силу определенных условий? И если нет, то как произвести эту критику корректно?

Безупречный с точки зрения политической рефлексии, профессионализма, организационной структуры (коллективная работа без фигуры режиссера) перформанс *The second essay on gymnastics* немецкой независимой компании *Hauptaktion* - очевидно, создавался не в равных условиях с нитрянским Театром Андрея Багара, но должны ли мы «снижать планку» при оценке

последнего? Не будет ли это снисходительным жестом? Или: нужна ли вообще какая-то «планка»? И как делать критику *not in a critical way*?

Полная неразбериха с этими вопросами и есть главный результат участия в резиденции для меня. Интересно проверить теперь, насколько сильно вопросы изменятся после участия в других, более истеблишментных фестивалях. Насколько сам формат *фестиваля* вшит в системы репрезентации и продуцирования неравенства, сглаживания углов, колониальности и иерархии.